

ОБСУЖДЕНИЕ В ТУРЦИИ ВОПРОСА ОБ УЧАСТИИ В ВОЙНЕ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В середине XX в. на Дальнем Востоке разразилась Корейская война, которая вскоре приобрела международный характер. Шестнадцать стран-членов ООН предоставили свои вооруженные силы для военных операций на Корейском полуострове, и более десятка оказали медицинскую, гуманитарную и иную помощь. Следует обратить внимание на то, что вопрос военного участия в корейском конфликте вызвал неоднозначную реакцию и споры в самих странах ООН, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения и изучения. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить процесс принятия решения об отправке военного контингента и изучить различные мнения в правительственных и общественных кругах относительно этого вопроса на примере одной из таких стран – Турции.

В течение первых трех дней после начала Корейской войны Совет Безопасности ООН направил в адрес всех членов организации две резолюции. В первой резолюции №82 от 25 июня 1950 г., текст которой почти полностью повторял проект американской стороны¹, выражалась озабоченность вооруженным нападением на Республику Корея войск КНДР, что было охарактеризовано как нарушение мира. Резолюция призвала власти КНДР немедленно прекратить военные действия и немедленно отвести свои вооруженные силы на 38-ю параллель. Комиссии ООН по Корее адресовались просьбы как можно скорее предоставить свои «исчерпывающие соображения о создавшемся положении», наблюдать за отводом вооруженных сил КНДР на 38-ю параллель и информировать Совет Безопасности об исполнении данной резолюции.

В данном документе также делалось обращение в адрес членов ООН «оказать всестороннюю помощь в осуществлении этой резолюции», и «воздержаться от содействия властям КНДР»². Здесь важно обратить внимание на то, что в тексте этого обращения выражалась потребность в оказании помощи странами ООН в целях осуществления резолюции, но не уточнялась форма этой помощи, что неудивительно: ведь она была принята спустя несколько часов после начала войны. Это дает основание полагать, что Совету Безопасности требовалось какое-то время на то, чтобы оценить степень серьезности конфликта при помощи Комиссии ООН по Корее и, в соответствии с полученными результатами, определить оптимальные средства и методы для его разрешения.

26 июня посол США в Турции Водсворт провел телефонную беседу с Касымом Гюлеком, который во время правления народно-республиканской партии являлся турецким представителем комиссии ООН по Корее. В ходе беседы Гюлек высказал о своей готовности дать, в случае необходимости, свои консультации послу по последним событиям на Корейском полуострове. Турецкий представитель охарактеризовал текущую ситуацию как очень критическую и предположил, что послу могли бы оказаться полезными его взгляды и опыт, приобретенные им во время работы в Корее. Водсворт положительно отозвался на сделанное предложение и попросил выразить его мнение относительно того, какой может быть официальная позиция Турции к событиям на Корейском полуострове. В ответ Гюлек выразил уверенность в том, что «никакая страна, будь то Турция, Греция, Иран или какая-то другая, которая является потенциальным объектом подобной агрессии со стороны Советского Союза, не может оставаться в стороне от событий в Корее и не оказать помощи Южной Корее». Гюлек также отметил, что «каждая из этих стран представляет себя на месте Республики Корея и, глядя на происходящее там, задумывается о своем будущем»³. Такая позиция Гюлека определенно свидетельствует не только о готовности турецкого правительства оказать помощь Республике Корея – к чему и делался призыв в упомянутой выше резолюции, – но и также о том, что эта готовность обусловлена опасением возможного превращения Турции в следующую жертву агрессии.

В тот же день представитель США в ООН У.Остин изложил в телеграмме позицию представителей других стран в ООН по корейскому вопросу. Остин сообщил о беседе с действующим представителем Турции ООН Куралом, который выразил свое сожаление относительно того, что резолюция СБ ООН от 25 июня не возымела успеха. Курал выразил непонимание того, как коммунисты решились осуществить открытый акт агрессии. По его мнению, этому нужно было

¹ Ванин Ю. В. Корейская война и ООН. М., 2005. С.87.

² Üzmez A. İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra gelişen olayların ışığında Kore Savaşı ve Türkiye. İstanbul, 2006. S.54.

³ Political affairs and conditions: truce, cease-fire, armistice (1950 – 1953). Wash., 1973. Vol. 8. Doc. № 330. June 26, 1950.

противопоставить более решительное действие. В завершении беседы Курал поинтересовался у Остина, какие действия намерены предпринять США после того, как стало очевидно полное пренебрежение резолюцией со стороны Советского Союза и КНДР⁴. Такая позиция турецкого представителя может говорить о том, что Курал, говоря о «более решительном действии», намеренно провоцировал США на принятие более жестких мер, указывая на неэффективность и безрезультатность первой резолюции.

Возможно, этот разговор Остина с Куралом действительно побудил США к принятию более ощутимых мер воздействия на КНДР, о чем стало известно на следующий день после их беседы. Несмотря на то, что первая резолюция еще не призывала к принятию военных мер для разрешения конфликта, утром 27 июня президент США Г.Трумэн выступил с заявлением, в котором, ссылаясь на призыв СБ ООН ко всем своим членам «оказать всяческое содействие осуществлению этой резолюции», заявил об отдаче приказа ВВС и ВМС США о предоставлении южнокорейским правительственным войскам прикрытия и поддержки⁵. Таким образом, правительство США стали первой страной ООН, которая расценила резолюцию ООН как призыв к военным действиям при отсутствии такового. Еще более важным представляется то, что, фактически, инициатором применения военных мер были США, а не ООН. По мнению историка Ю.В. Ванина, своими односторонними действиями Вашингтон «практически ставил Совет Безопасности перед свершившимся фактом, и заранее был уверен, что там готовы его поддержать»⁶. Эти обстоятельства оказали определенное влияние на содержание второй резолюции заседания Совета Безопасности ООН, которое состоялось через несколько часов после указанного заявления Трумэна. В ходе заседания постоянный представитель США в ООН У.Р. Остин обратился к Совету Безопасности «призвать к строгим санкциям для восстановления международного мира», а посол Республики Корея в США Чан Мён от имени правительства своей страны передал через Совет Безопасности «энергичное обращение» ко всем членам ООН, чтобы немедленно были приняты «эффективные меры» принудительного характера⁷. Позиция же Югославии, которая настаивала на продолжении переговорного процесса без военного вмешательства, была отвергнута. Таким образом, Совету Безопасности (в котором немалый вес имела позиция США) ничего не оставалось делать, как признать свершившийся факт и закрепить его в тексте итоговой резолюции.

В резолюции СБ ООН №83 от 27 июня 1950 г. говорилось, что, «поскольку власти КНДР не прекратили военные действия и не отвели свои войска к 38 параллели... для установления мира в регионе необходимо немедленно принять меры военного характера», а членам ООН рекомендовалось «оказать Республике Корея такую помощь, которая может быть необходима для отражения вооруженного нападения и восстановления международного мира и безопасности в этом регионе»⁸. Именно эта рекомендация содержится в телеграмме госсекретаря в посольство США в Лондоне от 1:00 27 июня (т.е. до выступления Трумэна и заседания Совета Безопасности ООН), где он просил посольство проинформировать МИД Великобритании о том, что У. Р. Остин выступит с этой рекомендацией на предстоящем заседании СБ ООН и настоять на том, чтобы британская сторона поддержала эту резолюцию⁹. Это подтверждает то, что за основу резолюции от 27 июня, фактически, был взят ее американский проект. Также это свидетельствует о том, что правительство США старалось заручиться поддержкой своего варианта резолюции на заседании Совета Безопасности представителями других стран.

Изучая содержание текста второй резолюции, следует обратить внимание на ряд очень важных аспектов. Во-первых, в отличие от резолюции 25 июня, здесь уже была четко обозначена форма оказания помощи – военная. Обращение Совета Безопасности было с готовностью встречено большинством стран ООН, в том числе и Турцией. Однако, такая формулировка могла быть и была истолкована в широком спектре смысла этого слова: от организации поставок военной техники, продовольствия и медицинской помощи в районе конфликта до предоставления воинских контингентов и непосредственного участия в боевых действиях. Тем самым, у стран ООН¹⁰ появилась возможность определять наиболее приемлемый для себя способ оказания помощи. Безусловно, на их

⁴ Documents on American foreign relations (after –DAFR). Princeton, 1952. Vol.7. P.192.

⁵ Ванин Ю.В. Указ. соч. С.94.

⁶ Там же. С.95.

⁷ Там же. С.96.

⁸ Резолюции Совбеза ООН. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/>

⁹ DAFR. Vol.7. P.187-188.

¹⁰ На 27 июня 1950 г. членами ООН были 59 стран.

выбор также оказывали существенное влияние такие показатели, как экономическое положение, наличие действительного членства в военных блоках или каких-либо международно-правовых обязательств, а также геополитическое значение и внутривосточная обстановка. Что касается Турции, то среди ключевых факторов здесь можно выделить экономический (Турция с 1947 получала экономическую помощь по плану Маршалла), блоковый (Турция стремилась добиться членства в НАТО) и геополитический (Турция видела себя потенциальной жертвой агрессии СССР). Корейская война, «закулисным» участником которой был СССР, существенно повысила актуальность данных факторов в турецких общественно-политических кругах.

Во-вторых, согласно тексту резолюции от 27 июня, оказать помощь странам ООН «рекомендовалось», а не «требовалось». После вынесения турецким правительством решения об отправке воинского контингента месяц спустя, этот аспект станет вменяться в вину правительству противниками такого решения и станет объектом дискуссий о том, что была ли на самом деле необходимость отправлять войска в Корею. Фактически, эта рекомендация Совета Безопасности была воспринята правительствами некоторых стран, в т.ч. и Турции, как требование, а не рекомендация о предоставлении своих вооруженных сил. Такому пониманию этого пункта резолюции, несомненно, способствовал пример США в отношении толкования первой резолюции, о чем говорилось выше. Так или иначе, резолюция Совета Безопасности от 27 июня стала юридическим закреплением применения военных мер в отношении КНДР. Получалось, что Совет Безопасности ООН стал инструментом реализации воли правительства США. Отсутствие конкретной формулировки характера помощи в этой резолюции тогда еще не толковалось в правительственных кругах стран ООН, в том числе и Турции, как однозначный призыв к отправке своих воинских контингентов в Корею.

29 июня готовность к оказанию поддержки Южной Корее высказал также министр иностранных дел Турции Фуат Кёпрюлю в беседе с послом США в Турции Водсвортом¹¹. В своем отчете в госдепартамент США, Водсворт отметил, что в турецкой прессе во всех статьях, посвященных корейским событиям, просматривается страх турок перед подобной агрессией со стороны Советского Союза¹². Посол Турции в Москве Гёкер в тот же день отправил в госдепартамент отчет, в котором выражал сомнение в том, что «Советы станут оказывать помощь Северной Корее» и «скорее всего их объектом внимания станет Иран, который входит также в сферу интересов Турции»¹³. В словах турецкой стороны прослеживаются опасения по поводу возможной агрессии со стороны СССР, но еще не наблюдаются признаки готовности Турции противопоставить этому отправку в Корею своих войск.

30 июня текст резолюций Совета Безопасности ООН от 25 и 27 июня по Корейской войне был вынесен на обсуждение в меджлис. Прежде чем зачитать их, министр иностранных дел Турции Фуат Кёпрюлю обратился к депутатам парламента с заявлением, в котором обратил их внимание на то, что приложение максимума усилий для выполнения своих обязательств в рамках членства в ООН является неотъемлемым условием внешней политики Турции. Он отметил, что, осуществляя внешнюю политику нашего государства, необходимо действовать в духе ООН, т.е. обеспечивать международную безопасность, противостоять вооруженной агрессии, соблюдать суверенитет и территориальную целостность, содействовать процветанию человечества. Министр подчеркнул, что тесное и искреннее сотрудничество Турции с США, а также ее нынешний союз с Великобританией и Францией обуславливают необходимость выработки Турцией открытой, определенной и верной политики, способствующей укреплению мира во всем мире. Кёпрюлю также заметил, что, если бы ООН не приняло безотлагательных действий по урегулированию ситуации в Корее и решило остаться в стороне, то это создало бы угрозу миру и безопасности не только в этом регионе, но и во всем мире. По его мнению, задачей всех миролюбивых стран и демократических государств, усмотревших грубое нарушение законов в рамках реализации решений ООН, должна быть обязанность всесторонне и с готовностью немедленно оказывать поддержку любым действиям правительства США, направленных на поддержание мира»¹⁴. В своих мемуарах генерал Языджи вспоминает, что заявление министра было встречено в меджлисе бурными аплодисментами. Данный факт указывает на то, что депутаты положительно восприняли предложение министра оказывать помощь в борьбе

¹¹ Political affairs and conditions... Doc. № 343. June 29, 1950.

¹² Ibid. Doc. № 346. June 29, 1950.

¹³ Ibid. Doc. № 1764. June 29, 1950.

¹⁴ Üzmez A. Op. cit. S.55.

любой агрессии¹⁵. С одной стороны, нет ничего удивительного в том, что депутаты единодушно поддержали призыв министра. С другой стороны, не следует забывать, что в меджлисе присутствовали депутаты как правящей, так и оппозиционных партий. Это свидетельствует о том, что на тот момент между представителями партий не наблюдалось никаких разногласий по отношению к корейскому конфликту.

Сделав это заявление, Кёпрюлю зачитал депутатам текст указанных резолюций Совета Безопасности и ответ на них правительства Турции, адресованный на имя генерального секретаря ООН Трюгве Ли. В своем ответе министр сообщал о намерении правительства активно содействовать укреплению мира и всеобщей безопасности для обеспечения защиты суверенных прав государств, ставших объектом открытой угрозы, а также о его готовности к выполнению своих обязательств в качестве члена ООН¹⁶. Примечательно, что ответ турецкого правительства носил общий и достаточно сдержанный характер. Также в нем не было признаков того, что форма помощи будет носить военный характер. Тем не менее, этот ответ четко указывал на приверженность Турции принципам ООН. Однако, в этом ответе прослеживается и скрытый подтекст: заявление правительства Турции о готовности «выполнять свои обязательства перед ООН» можно толковать, как заявление о готовности поддерживать решения США. Это подтверждается также циркулярной телеграммой госсекретаря США Ачесона от того же дня, когда Кёпрюлю зачитал ответ перед парламентом. Анализируя реакцию на вторую резолюцию в странах ООН, Ачесон выражал уверенность в том, что «МИД Турции полностью поддерживает действия США и считает их наиболее отвечающими нынешней обстановке»¹⁷.

После выступления министра, все депутаты под продолжительные аплодисменты приняли предложение депутата от Измира Экрема Хайри Юстюндага и его соратников, выступить в поддержку решения турецкого правительства, и признать, что оно полностью соответствует духу ООН¹⁸. По мнению Метина Токера, меджлис проявил национальное единство по вопросу внешней политики. Как пишет Токер, «в тот момент никому и в голову не могла прийти мысль о том, что дело дойдет до отправки турецких войск в Корею»¹⁹.

В своей работе Юзmez отмечает, что ответ правительства получил широкую поддержку в печати. Он обращает внимание на то, что как правая, так и левая пресса единодушно поддержали решение правительства²⁰. Главный редактор проправительственной газеты «Джумхуриет» Нади Надир в своих комментариях к ответу министра говорил, что «те, кто стремится к установлению демократии во всем мире, должны обязательно сами приложить к этому руку»²¹. Юзmez заметил, что Седат Симави из газеты «Хюрриет» призывал «к необходимости дать достаточно верную оценку событиям Корейской войны, и не допустить его разрастание». Несмотря на то, что эти заявления не содержат призывов к принятию конкретных мер, в этих двух заявлениях можно увидеть несколько разных оттенков. Высказывание Надира носит более агрессивный характер, где призыв «к установлению демократии...приложить руку» можно расценить также как призыв к применению силы по отношению к КНДР. Возможно, что Курал, в приведенной выше беседе с Остином накануне заседания СБ ООН 27 июня, задавая вопрос о возможном характере действий США, желал услышать от Остина подобный ответ²². Также возможно, что последующие заявления и действия США начали подогревать правительство Турции на военный путь установления такой «демократии». Здесь также не стоит забывать о том, что, как мы увидели выше, следование Турции принципам ООН практически тождественно следованию принципам США, которая во многом подавала пример для официальной Анкары в силу значительного влияния на последнюю политики Вашингтона. Более умеренная газета «Хюрриет», очевидно, была расположена к применению более конструктивного подхода к разрешению конфликта и предостерегала от поспешных решений, которые могли привести к разрастанию конфликта. Не исключено, что под такими «поспешными решениями» подразумевались решения военного характера.

1 июля в МИД Турции поступила еще одна телеграмма от генерального секретаря ООН, который поблагодарил правительство Турции за внимательное изучение решений резолюции СБ

¹⁵ Yazıcı T. Birinci Tugayı'nda Kore Hatıralım. İstanbul, 1963. S.28.

¹⁶ Üzmez A. Op. cit. S.56.

¹⁷ DAFR. Vol.7. P.256.

¹⁸ Yazıcı T. Op. cit. S.30.

¹⁹ Toker M. Demokrasimizin İsmet Paşalı Yılları (1950–1954). Ankara, 1991. S.77.

²⁰ Üzmez A. Op. cit. S.56.

²¹ Nadir N. Perde Aralığından. İstanbul, 1979. S.34.

²² DAFR. Vol.7. P.192.

ООН от 27 июня, и отметил, что «высоко ценит готовность турецкого правительства оказать помощь»²³. Кроме того, генеральный секретарь попросил турецкую сторону проинформировать его о характере помощи, что существенно облегчило бы осуществления решений резолюции²⁴. С аналогичной просьбой Трюгве Ли обратился также к правительствам других стран. Как видно, просьба уточнить характер помощи делалась Советом Безопасности не вместе с упомянутой резолюцией, как, к примеру, указывает Ванин Ю.В.²⁵, а отдельно, в течение нескольких дней после опубликования резолюции. Стоит также обратить внимание на то, что накануне, 30 июня, прошло заседание Совета Безопасности, где заслушивалась информация о конкретных мерах стран-членов ООН, предложенных в ответ на резолюцию от 27 июня²⁶. Однако, на этом заседании обсуждалось, главным образом, принятое за несколько часов до этого, решение президента США отправить сухопутные войска в Корею, тогда как предложения большинства других членов ООН либо предполагали экономический характер помощи, либо еще вовсе не были сделаны, как это было в случае с Турцией. Кроме США помощь военного характера к тому моменту предложили Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и Нидерланды. Однако, их помощь носила ограниченный характер и предполагала отправку в Корею лишь своих военно-морских частей²⁷, а о отправке сухопутных войск не было и речи. Очевидно, предложения стран ООН явно не удовлетворяли руководство США, поэтому в тот же день в адрес ряда стран, в число которых входила и Турция, были направлены телеграммы с просьбой уточнить характер помощи. Решение правительства США направить в Корею сухопутные силы, возможно, объяснялось не только стремительно ухудшающейся обстановкой на военном фронте, но и имело целью показать пример для подражания.

В ответ на запрос генерального секретаря ООН от 30 июня²⁸ об уточнении характера помощи, 1 июля МИД Турции направил телеграмму, в которой выражал верность своим обязательствам перед ООН и готовность перейти к конкретным действиям в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН по этому вопросу²⁹. Как можно заметить, в ответе турецкого правительства опять не содержалось конкретного предложения военной помощи, хотя оно, по-видимому, под «конкретными действиями» уже допускало возможность оказания такой помощи. Отсюда создается впечатление, что, тем самым, турецкое руководство стремилось показать готовность выполнять любые решения ООН, а фактически – решения США. О значительном влиянии США в ООН свидетельствует также советская пресса. В официальном сообщении по поводу корейского конфликта заместитель министра иностранных дел СССР А. Громыко заявил, что «американское правительство шаг за шагом втягивает США в войну, и что Корейская война, начатая Трумэн, противоречит соглашениям, достигнутым в Ялте и Потсдаме». Громыко также выразил свою убежденность в том, что «Совет безопасности ООН встал на сторону США, а генеральный секретарь Трюгве Ли стал игрушкой в их руках»³⁰.

С другой стороны, турецкое правительство не стремилось первым проявлять инициативу предоставить вооруженные силы (как и большинство других стран), но было готово пойти на это в случае, если им будет сделано более четкое на то указание. Ведь для стран, которые нуждались в финансово-экономической помощи или даже получали ее, непосредственное участие в военных операциях грозило превращением в тяжелое финансовое бремя, которого было бы желательно избежать без особой на то необходимости. Другое дело, когда это касалось стран-членов НАТО (а таковых на начало корейской войны было девять), или государств, находящихся в прямой зависимости от США или Великобритании, интересам которых серьезно угрожало неблагоприятное развитие корейского конфликта. На момент начала Корейской войны Турции уже оказывалась американская экономическая помощь, однако, эта страна не состояла в НАТО, несмотря на намерение турецкого правительства стать полноправным членом блока. Впоследствии фактор НАТО окажет немалое влияние на решение правительства Турции отправить в Корею воинский контингент. Турция дала обещание взять на себя любое обязательство, которое возложит на нее Совет

²³ Üzmez A. Op. cit. S.56.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ванин Ю.В. Указ. соч. С.96.

²⁶ Там же. С.99.

²⁷ Бершак Ю.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании в контексте Корейской войны 1950–1953. Дис. ...канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С.46.

²⁸ Телеграмма была получена МИД Турции только 1 июля.

²⁹ Yazıcı T. Op. cit. S.30.

³⁰ Доклад заместителя министра иностранных дел А.Громыко по Корею // Правда, 3 июля 1950.

Безопасности ООН. Но что же нужно было понимать под этим «обязательством»? В любом случае, эта неоднозначная формулировка ответа турецкого правительства послужила первым предметом для споров в парламенте, а этот вопрос на некоторое время стал основной темой повестки дня в парламенте. Оппозиция считала, что на самом деле под маской ООН от Турции желает получить помощь США. По их мнению, американское руководство считает, что, раз Турция извлекает пользу из плана Маршалла, то она обязана теперь все время помогать США»³¹. Оппозиция указывала на то, что помощь со стороны Турции по своему объему не должна превышать той, что она получает по плану Маршала, а значит должна носить лишь символический характер³². Этой же позиции придерживается Алтан Оймен. По его мнению, от членов ООН помощи требовали США, которые извлекли выгоду из того, что «СССР не воспользовался правом вето в Совете Безопасности ООН», и что именно США подталкивали членов ООН на оказание такой помощи, а Турция была единственной из всех, кто легко попался на эти провокации»³³.

Опасения того, что от Турции могут потребовать отправить войска в Корею, стали проявляться среди депутатов меджлиса уже на следующий день после вышеупомянутого ответа МИД Турции генеральному секретарю ООН. 2 июля на заседании меджлиса некоторые оппозиционеры, акцентируя внимание на символичности помощи, заявили, что «об отправке турецких войск на другой конец Азии не может быть и речи», и в качестве помощи предлагали ограничиться отправкой в Корею своих «лучших товаров местного производства, таких как табак, лекарства и т.д.»³⁴. Но некоторые депутаты придерживались иной точки зрения. В то время, как в меджлисе шло активное обсуждение вариантов оказания помощи Корею, стамбульский депутат Тевфик Сенихи Юрютен сделал личное обращение к парламенту с помощью прессы начать агитацию населения для формирования армии добровольцев на Корейскую войну³⁵. Как отмечал впоследствии Мим Кемаль Оке, в течение последующих двух недель – а Юрютен сделал это заявление 4 июля – на призыв отправиться добровольцами в Корею откликнется около трех тысяч желающих³⁶. Трудно судить о достоверности этой цифры, но если ей верить, то это позволит сделать нам несколько очень важных выводов. Во-первых, эта цифра свидетельствует о том, что среди населения нашлось немало сторонников оказания военной помощи как таковой. Более того, они не просто выступили за отправку войск в Корею, но и сами вызвались там воевать. Однако, если учесть, что большинство таких добровольцев составляла молодежь, то такой факт вполне правдоподобен: ведь на нее вполне могло также оказываться идеологическое влияние³⁷. В отличие от турецкой, американская молодежь совсем неохотно желала отправляться на корейский фронт. Как отмечает Оке, в США на призывные пункты для отправки на Корейскую войну не пришел ни один желающий, а молодежь под любыми предложениями старалась избежать службы в Корею³⁸. Во-вторых, указанное выше число турецких добровольцев набралось, судя по данным Оке, до принятия правительством Турции официального решения об отправке воинского контингента в Корею³⁹. Это говорит о том, что причиной для записи трех тысяч человек в добровольцы послужили не обязательства, обусловленные соответствующим решением правительства, а либо личные, либо идеологические убеждения. В результате долгих обсуждений 7 июля Совет Безопасности ООН принял свою третью резолюцию по Корейской войне. Согласно резолюции №84, всем странам, изъявившим готовность предоставить свои вооруженные силы и иные виды помощи, рекомендовалось «поставить эти силы и эту помощь в распоряжение объединенного командования, назначенного Соединенными Штатами Америки»⁴⁰. Таким образом, в резолюции открыто говорилось о создании международных вооруженных сил под флагом ООН под командованием США. Фактически, в этой резолюции делался не просто призыв о помощи, но более открытым текстом говорилось о ее военном характере, что не могло не вызвать в меджлисе очередной волны обсуждений по этому вопросу. Депутат от народно-республиканской партии, экс-министр иностранных дел Турции, Неджметдин Садак заявил, что об отправке турецких войск на

³¹ Üzmez A. Op. cit. S.56.

³² Ibidem.

³³ Öymen A. Değişim Yılları. İstanbul, 2004. S. 544.

³⁴ Avcı Ç.N. Türk-Amerikan ilişkileri ve basındaki yansımaları (1945-1952). İstanbul, 2006. S. 182.

³⁵ Yazıcı T. Op. cit. S.32.

³⁶ Öke M.K. Unutulan Savaşın Kronolojisi. İstanbul, 1990. S.65.

³⁷ Турецкая национальная федерация студентов была основным идеологическим рупором турецкой молодежи, активно призывавшим ее отправляться добровольцами в Корею.

³⁸ Öke M.K. Op. cit. S.65.

³⁹ Официальное заявление турецкого правительства об отправке войск в Корею было сделано 25 июля 1950 г.

⁴⁰ Ванин. Указ. соч. С.101.

другой конец Азии не может быть и речи. Он утверждал, что, если Турция окажется перед лицом угрозы, то вряд ли кто-то придет ей на помощь, как в случае с Кореей. Садак задался вопросом, кому и как может помочь Турция, и какая будет польза от такой помощи⁴¹, а также был солидарен с мнением некоторых депутатов, которые настаивали на оказании Кореи лишь материальной помощи. Эта позиция Садака была подвергнута критике главным редактором газеты «Джумхуриет» Абидином Давером. Он настаивал на том, что «от Турции требовали помощи не США, а ООН, членом которой была Турция» и заметил, что к плану Маршалла это не имело никакого отношения». Давер считал недопустимым оставлять ООН одну перед лицом агрессии, сопоставляя помощь от Турции с объемом того, что она получает по плану Маршалла⁴². По его мнению, чтобы остановить вооруженную угрозу, недостаточно лишь уметь вести высокопарные беседы, и не нужно сомневаться в том, что, все члены ООН незамедлительно придут на помощь Турции в случае совершения в ее адрес подобной агрессии. Он призывал к тому, чтобы «Турция помогала не на словах, а на деле, и чтобы эта помощь не носила символический характер». Давер считал, что если ограничиться лишь символической помощью, то, в случае акта агрессии в адрес Турции, также следует быть готовыми к получению символической помощи⁴³. Как указывает Юзmez, в статьях прессы, посвященных вопросу Корейской войны, в основном говорилось о влиянии ошибочного политического курса США. Он приводит выдержки из газет «Сон Поста» и «Миллиет», где говорилось о желательности принимать политические решения с учетом сложившейся обстановки, но при этом не пренебрегать основной точкой зрения общества⁴⁴. Но, как мы могли увидеть, по вопросу об оказании помощи Кореи мнения разделились, и обе вышеуказанные позиции имели право на существование. После заседания меджлиса на встрече с журналистами 11 июля, премьер-министр Мендерес говорил о необходимости реформирования структуры турецкой армии, и отметил, что правительство ведет серьезную работу по ее укреплению. Особое внимание премьер-министр обратил на то, что национальная армия должна быть достаточно боеспособной и в мирное время⁴⁵. Нет сомнений в том, что министр имел в виду достижение основной военно-политической задачи – добиться вступления Турции в НАТО, и это намерение все больше склоняло правительство к принятию решения отправить войска в Корею. Эту склонность можно увидеть также из заявления министра иностранных дел Турции Кёпрюлю от 14 июля. В своей очередной беседе с Водсвортом министр отметил, что «для турецкой общественности факт отправки войск в Корею является попыткой «поставить себя в один ряд со странами западной демократии»⁴⁶. Возможно, фактор НАТО и стремление добиться признания Турции европейской страной послужили причиной созыва заседания правительства в Ялова 18 июля, где фактически и было принято решение об отправке войск в Корею. Таким образом, вопрос о посылке войск в Корею вызвал много споров в общественно-политических кругах Турции. С одной стороны, символическое участие в Корейской войне в составе войск ООН уберегло бы страну от значительных финансовых расходов. С другой стороны, турецкое правительство понимало, что добиться своих внешнеполитических целей ему не удастся, оставаясь в стороне от такого важного события, как Корейская война. Так или иначе, решение об отправке войск не было спонтанным, а стало результатом нелегкого выбора, который впоследствии оправдал надежды правительства, помог Турции поднять свой авторитет в глазах западноевропейских стран и стать членом НАТО.

⁴¹ Öke M.K. Op. cit. S.66.

⁴² Üzmez A. Op. cit. S.59.

⁴³ Avcı Ç.N.Op. cit. S.183.

⁴⁴ Üzmez A. Op. cit. S.60.

⁴⁵ Avcı Ç.N. Op. cit. S.184.

⁴⁶ Political affairs and conditions... Doc. № 31. July 14, 1950.